

Глеб Иванович Успенский

Богомолка

Глеб Успенский

Богомолка

«Public Domain»

1873

Успенский Г. И.

Богомолка / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1873

«...В одно утро в гостинице, где я стоял, появился ямщик, предлагавший свои услуги везти на богомолье в соседний монастырь, верст за пятьдесят. В монастыре на днях должен быть храмовой праздник, на который съедется народ отовсюду. Это предложение было для меня как нельзя более кстати, и мы уговорились тотчас же. Ехать нужно было на другой день часа в два дня, выехали мы, разумеется, не в два, а под вечер, что, впрочем, было гораздо лучше. Ехали мы не спеша, по узкой проселочной дороге, сухой и хорошо укатанной, переваливаясь с холма в долину, снова взбираясь на холм, точно такой же, как и первый...»

© Успенский Г. И., 1873

© Public Domain, 1873

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Глеб Иванович Успенский

Богомолка

I

...Всевозможные развлечения, устраиваемые летними посетителями Л<ипец>ких минеральных вод, были окончательно исчерпаны. Ездили за город, катались на лодках, опять ездили за город, но уже соединенными компаниями, взлезали на колокольню любоваться видом города, который и так был виден довольно ясно, и, наконец, скука настала страшная. Нужно отдохнуть от этого «летнего» отдыха. Но как? В этом затруднительном положении совершенно неожиданно помог мне случай.

В одно утро в гостинице, где я стоял, появился ямщик, предлагавший свои услуги везти на богомолье в соседний монастырь, верст за пятьдесят. В монастыре на днях должен быть храмовой праздник, на который съедется народ отовсюду. Это предложение было для меня как нельзя более кстати, и мы уговорились тотчас же.

Ехать нужно было на другой день часа в два дня, выехали мы, разумеется, не в два, а под вечер, что, впрочем, было гораздо лучше. Ехали мы не спеша, по узкой проселочной дороге, сухой и хорошо укатанной, переваливаясь с холма в долину, снова взбираясь на холм, точно такой же, как и первый; неслышно и чуть-чуть постукивая телегой, пробегали мы по сырой и мягкой дорожке луга, миновали деревню с ярким огнем лучины¹ в тусклом и маленьком стекле тусклого и маленького крестьянского окна, курили и думали каждый о своем, – впрочем, вернее – о своем деле думал только ямщик; я, единственный его пассажир, затем и лежал в этой телеге, чтобы «о своем» – не думать.

По мере того как начинало темнеть, по дороге стали попадаться люди, пешие и ехавшие в таких же повозках, как и мы, – это были богомольцы, торопившиеся к ночлегу, в ближайшую деревню. Мы вместе с этими пешеходами, скопившимися близ деревни в партии, прибыли на ночлег поздно ночью. Постоялый двор был полнехонек народом: в снях, в избах, в телегах и других экипажах, переполнявших двор, повсюду спал или приготавлился спать усталый народ, охая, кричтя, поминая слова молитвы. Я последовал примеру богомольцев и тоже лег в телеге, под открытым летним небом.

Проснулся я рано и вышел со двора на улицу. Здесь у ворот я присел на широком камне, поставленном на двух кусках дубовых обрезков, плотно закутавшись от утреннего холода в пальто. Деревенская улица мне была знакома, и мне нечего было разглядывать в ней.

¹ Было в <18>73 г.

II

В это время к дому приближалась богомолка; она шла скорыми, проворными шагами, нагнув лицо к земле и проворно работая палкой. Поровнявшись со мною, она остановилась, спросила не то у меня, не то у кого-то невидимого мне, «пускают ли?» – и, как бы не расслышав моего утвердительного ответа, села на другой камушек и с трудом перевела дух.

Лицо этой старушки заставило невольно обратить на нее внимание: такое красивое, умное лицо не часто приходится встречать в простонародных странницах. Черные, острые, наблюдательные, умные глаза придавали ее хотя и красивому, но утомленному и уже заметно не молодому лицу оттенок умной задумчивости. Но когда я заговорил с ней, в этих умных глазах, в пристальности, с которой она устала их на меня, и быстроте, с которой она вдруг опускала их, смотрела в сторону, я заметил что-то странное, как будто в голове ее не совсем было ясно.

Я спросил ее – «откуда она?»

Она отвечала, что издалека, что идет к угоднику, а оттуда отправится тотчас же в другое место. Я заметил ей, что такие частые и далекие переходы утомительны и вредны, что она вот и теперь еще не отдышалась порядком.

– Иному человеку, – сказала она в ответ, – и жить-то нельзя, покуда не умучает себя! Покуда умучил себя хорошенько, будто и можно на белый свет смотреть, а дай-ка ему отдых и покой – так он!..

Она отвернулась в сторону и махнула рукой.

– Что ж он? – спросил я.

– А то, – сказала она, глянув на меня тем странным взглядом, в котором виделось что-то ненормальное в ее сознании, – а то, что бес в нем просыпается, да! Ну-ко, поди, сладь с ним в то время!

– Бес?

– Да! дьявол пробуждается! проснется и начнет обозлять тебя на людей. Ну, и взбесишься, полезешь на всех с кулаками. Разве так можно с добрыми людьми жить?

– А может быть, люди-то в самом деле не добрые, а дурные? – начал было я, но богомолка, быстро прервав меня, сказала:

– Кому ты это говоришь? Я не от зубов хожу исцеляться, – зубы у меня все целы и здоровые, как жемчуг; не детей я хожу просить, – мужа у меня нету, умер; опять и обещания никакого я не давала, – зачем мне бегать так-то по тысячи верст? И дома можно молиться! А уж, стало быть, я знаю *его*, стало быть, *он* надо мной забирал силу! Я знаю это! Мне теперь пятый десяток идет, а *он* меня с детства во власть взял! От кого я и родилась-то, не знаю. Матушку свою помню, а отца никогда не видала. Не то беда, что «незаконная», а то беда – *чья?* вот что! Матушка, покойница, бывало, говорит: «*Чья* ты, Аграфенушка?..» – «Не знаю, маменька» – «И лучше тебе не знать!»

– Неужели ты в самом деле веришь, что есть какой-то бес и может войти в человека?

– Что ж я, с ума, что ль, сошла? Покойница матушка и сама-то измучилась от *него*... Это я уж потом от тетки узнала: «Ходил, говорит, он к ней, к твоей матери, каждую ночь, целую зиму... И слышно, говорит, за перегородкой разговор идет шопотом... Подкрадемся, – говорят; вскочим с фонарем, – а там никого нет, только мать бьется как в лихорадке. Измаялась, иссохла, как щепка, отвезли потом к Тихону Задонскому – ну, *он* и вышел! Вот и со мной тоже... И мать-то всегда боялась, что и меня *он*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.